

Рано утром в классе витал запах еды.

Учебный староста, не поднимая головы, дорешал последние две задачи по математике, повел носом и стал озиаться:

— Какой бессовестный гад протащил сюда жареную курицу? Вы дадите нам спокойно учиться или нет? Гао Тяньян, это ты?!

Гао Тяньян злорадно хихикнул и вытащил из парты целую коробку с жареной курицей, чтобы похвастаться:

— Голодные? Хотите кусочек? Меняю на контрольную по английскому.

— Твою мать! — раздалась ругань со всех сторон. — Чуть не забыли про английский!

— Быстрее, быстрее, спасите кто-нибудь!

Вчера учительница английского Ян Цзин задала им на дом три тренировочных теста — в общей сложности 150 вопросов с вариантами ответов. Многие отрубились, так и не доделав их до конца, и теперь по всему классу стоял настоящий вой.

— Я так и знал, что вы, лентяи, ничего не сделали, — сказал Гао Тяньян, обнимая коробку и поворачиваясь назад. — А еще я знал, что наш красавчик Шэн Ван так крут в английском, что точно все решил, поэтому заранее приготовил взятку.

Он прокричал это, обернувшись, но увидел лишь, что сидящий позади Шэн Ван лежит лицом на парте. Рукава его школьной формы, обычно закатанные до локтей, теперь были опущены и плотно обхватывали запястья.

Больше половины класса металась в поисках домашки, а он, казалось, крепко спал.

— Эй? — Гао Тяньян помахал коробкой с курицей над Шэн Ваном. — Братан? Утренние занятия еще даже не начались, а тебя уже рубит, братан? Сначала спаси наши жизни, а потом спи, а?

Шэн Ван по-прежнему лежал, лишь одной рукой порывшись в парту, а через мгновение достал три листа с тестами и хлопнул ими по столу.

— Благодарю за великую милость, господин, — Гао Тяньян поставил коробку с курицей на его парту и добавил: — Вот скромное подношение на завтрак, не желаете отведать?

Шэн Ван глухо пробормотал:

— Я объелся.

— Ты чего так гнусавишь? — Гао Тяньян, подражая старине У, манерно и протяжно пискнул: — Уж не плачешь ли ты? — Мало того, что спросил, так еще и ткнул Шэн Вана пальцем, картинно оттопырив мизинец.

Шэн Ван молча поднял голову и посмотрел на него без малейшего выражения:

— Разрыдался, черта с два.

Стоило ему поднять взгляд, как Гао Тяньян тут же убрал свой кривляющийся палец:

— Твою мать! Ты выглядишь просто ужасно. Заболел?

— Кажется, немного. Забыл ночью температуру на кондиционере прибавить.

— «Кажется», говоришь? — раздраженно фыркнул Гао Тяньян. — Да у тебя на лице написано, что ты болен. Не хочешь сходить в медпункт за таблетками?

— А где медпункт? — спросил Шэн Ван.

В классе было полно народу, и кондиционер всегда работал на полную мощность. Ему было нехорошо еще утром, когда он выходил из дома, а после того, как он немного полежал здесь на парте, стало только хуже. Его голос звучал лениво и хрипло.

Гао Тяньян ответил:

— У западных ворот школы есть склон, если подняться по ступенькам — там и будет медпункт.

Шэн Ван:

— А запад — это где?

— ...

Гао Тяньян почесал ухо и, как раз заметив проходящего мимо парня, поймал его за рукав:

— Брат Тянь, а запад — это где?

Цзян Тяня частенько вызывали в учительскую перед утренними занятиями, многие преподаватели хотели его видеть, так что все к этому давно привыкли. Он положил принесенную из учительской стопку тестов на парту учебного старосты и, повернувшись к Гао Тяньяну, переспросил:

— В каком смысле «где запад»?

Шэн Ван мельком взглянул на него и случайно встретился с опущенным взглядом Цзян Тяня.

Возможно, под влиянием утреннего происшествия, их взгляды пересеклись и тут же разбежались.

Гао Тяньян, совершенно не заметив этой тонкой детали, продолжал говорить с Цзян Тянем:

— Запад, который на компасе. Я только что сказал Шэн Вану про западные ворота школы, а он вдруг спрашивает, где запад. Прямо в ступор меня ввел.

Шэн Ван больше не поднимал глаз. С опущенными веками он выглядел вялым и сонным. Больные люди редко бывают в хорошем настроении, и по нему это было особенно заметно.

За окном глухо раскатывался гром, небо было мрачным и темным. В классе горел свет, и тень Цзян Тяня падала на парту Шэн Вана густым темно-серым пятном.

— Запад там... — Гао Тяньян протянул руку, пытаясь указать в нужном направлении.

Но не успел он найти верную сторону, как Шэн Ван услышал слова Цзян Тяня:

— У ворот, где «Си Лэ».

Он всегда говорил негромко. Его голос звучал низко и глубоко, с легкой хрипотцой, оставшейся с конца периода ломки голоса, и этот звук опустился откуда-то сверху.

Шэн Ван издал короткое «о» и кивнул, показывая, что понял.

Зато Гао Тяньян ничего не понял:

— Какое еще «Си Лэ»?

Через пару секунд до него наконец дошло:

— А, вспомнил! Точно, круглосуточный магазинчик у западных ворот называется «Си Лэ». Правда, мы туда редко ходим, разве что на физкультуре покупаем пару бутылок воды, потому что он ближе к стадиону. Так ты знаешь это место?

Шэн Ван, казалось, снова начал засыпать, и лишь через несколько секунд ответил:

— Ел там.

— А там еще и поесть можно? Почему я не знал? — Гао Тяньян, будучи физоргом, всегда бегал чертовски быстро. Хоть он и жаловался частенько, что первогодки оккупировали столовую, но каждый день умудрялся урвать свой кусок из пасти тигра, поэтому ему не доводилось испытывать горечь изгнания в магазин шаговой доступности.

— Угу, — отозвался Шэн Ван.

На этот раз даже до толстокожего Гао Тяньяна дошло, что здесь что-то не так.

Воспользовавшись тем, что Шэн Ван не поднимал головы, он украдкой указал на него и, утрированно артикулируя, беззвучно произнес Цзян Тяню:

— Похоже, он не в настроении. Интересно, какой придурок его выбесил?

Сказав это, он заметил, что Цзян Тянь вовсе не собирается общаться с ним жестами, а просто смотрит на него без всякого выражения.

Гао Тяньян продолжил так же утрированно «говорить»:

— А ты чего такой мрачный? Я слишком криво показываю?

Не дожидаясь реакции Цзян Тяня, его вдруг осенило:

— Только не говори... что это был ты?

О боже, он только что назвал Цзян Тяня придурком.

Лицо Гао Тяньяна тут же приобрело весьма живописное выражение. Он искоса взглянул на Цзян Тяня и осторожно спросил:

— Правда ты?

Насколько Гао Тяньян знал Цзян Тяня, если бы это действительно сделал он, то обязательно

бы кивнул. А если бы нет — непременно сказал бы: «А мне-то какое дело?».

Но на этот раз Цзян Тянь лишь смотрел на Шэн Вана и молчал.

Чертовщина какая-то!

Гао Тяньян пробормотал что-то себе под нос, не решаясь сказать больше ни слова.

Он ткнул пальцем в снова задремавшего Шэн Вана:

— Теперь, когда ты знаешь, где западные ворота, выкroiшь времечко сходить в медпункт?

— Слишком далеко, не пойду, — Шэн Ван шмыгнул носом. Ощущение заложенности заставило его раздраженно нахмуриться.

Он поднял воротник школьной куртки, стянул распахнутые полы и застегнул молнию до самого верха.

Воротник формы лица был темно-синим. Полностью поднятый, он скрыл нижнюю половину его лица до самого кончика носа, отчего кожа казалась еще бледнее.

Зажав язычок молнии в зубах, он натянул рукава и снова лег на парту, невнятно пробормотав:

— Разбудите, когда начнется урок.

Однако эти двое засранцев, Гао Тяньян и Цзян Тянь, так и не разбудили его к началу урока.

Первыми двумя уроками стоял английский, на котором они разбирали вчерашние сто пятьдесят заданий. Учительница английского Ян Цзин и так была высокой, а уж когда она забиралась на свои любимые ходули-шпильки и вставала за кафедру, все сорок с лишним человек в классе оказывались у нее как на ладони.

Она сразу же заметила Шэн Вана и, постучав указательным пальцем по кафедре, произнесла:

— Это что еще такое? Эй, тот, что спит на парте, думаешь, раз у тебя высокие баллы по английскому, так тебе теперь все дозволено?

Услышав это, весь класс обернулся в его сторону.

Гао Тяньян поднял руку под прицелом бесчисленных взглядов, и Ян Цзин вздернула подбородок:

— Говори.

— Он заболел, — объяснил Гао Тяньян.

— О, — кивнула Ян Цзин. — Ну ладно, пусть лежит. Когда проснется, будьте добры, передайте ему, чтобы зашел ко мне на перемене для личной беседы.

— ...

Личная беседа с Ян Цзин? Какие тут шутки? Когда эта женщина в гневе, ее боится даже директор.

На еженедельном экзамене две недели назад сломалось радио во время аудирования по английскому, впустую потратив двадцать минут ученического времени. Замдиректора и Большеротый Сюй из воспитательного отдела как раз дежурили у вторых классов. Ян Цзин прижала этих двоих мужчин средних лет в коридоре и целых десять минут отчитывала так, что они не смогли вставить ни единого слова. Они так вспотели от ее напора, что им пришлось просить салфетки у старосты класса «А», сидевшего у окна.

Гао Тяньян пожалел о своих словах и предложил:

— Тогда, может, лучше его разбудить?

Ян Цзин вскинула бровь:

— Только попробуй.

Гао Тяньян втянул голову в плечи:

— Ладно, ладно, не буду.

Характер у сестры Цзин всегда был непредсказуемым. Ученики класса «А» одновременно боялись ее и обожали, но никто не смел ей перечить.

Ян Цзин протянула руку к парню в первом ряду:

— Давай свою контрольную.

Этого парня звали Ци Цзяхао. Он был старостой по английскому в классе «А», очень пекся о своей репутации и отличался крупным телосложением, из-за которого ему совершенно не стоило сидеть впереди. Но у него было настолько плохое зрение, что он месяц донимал классного руководителя, пока наконец не выбил себе место за первой партой.

Ян Цзин не любила использовать на уроках пустые бланки тестов, каждый раз забирая работы старосты, к чему ученики класса «А» уже давно привыкли.

Для Ци Цзяхао конфискация его теста Ян Цзин всегда была испытанием не для слабонервных. Все его ошибки оказывались у нее как на ладони, и критиковала она без всякой пощады. Но с другой стороны, он чувствовал, что к нему относятся по-особенному, и не мог удержаться от толики гордости.

Ци Цзяхао протянул ей листы, но Ян Цзин, мельком взглянув на них, вдруг передумала:

— Ладно, сегодня пощажу тебя. Позаимствую у кого-нибудь другого.

По классу пронесся нервный вздох. Все дружно опустили головы, до смерти боясь, что взгляд сестры Цзин упадет именно на них.

Каждый раз, когда эта женщина разбирала сложные вопросы на контрольной, она обязательно поднимала Ци Цзяхао и начинала его отчитывать. И этого ей было мало — она заставляла учеников вставать одного за другим и объяснять грамматику и логику решения. Кто не мог ответить, так и стоял. Из сорока с лишним человек в классе на ее уроке могли стоять больше тридцати. Разве тут не струсишь?

Она подняла голову, обвела взглядом Шэн Вана пару раз и наконец остановилась на парте позади него:

— Цзян Тянь.

Класс сперва облегченно выдохнул, а затем как по команде обернулся назад.

Цзян Тянь, как всегда, сохранял невозмутимое выражение лица, не выказывая ни капли страха. Он взял со стола свои тесты и уже собирался встать, как услышал слова Ян Цзин:

— Передай мне работу того, кто сидит перед тобой.

Цзян Тянь покосился на макушку Шэн Вана и произнес:

— Тесты лежат у него в парте, он их загораживает.

Ян Цзин ответила:

— О, ну так достань их.

— ...

Цзян Тянь не состоял в воспитательном отделе и не имел привычки рыться в чужих партах. Опираясь на стол, он с легкой головной болью смотрел на сидящего перед ним бесчувственного парня.

Бросив взгляд на Ян Цзин, он подошел к Шэн Вану и протянул руку внутрь его парты.

Школьная куртка Шэн Вана казалась плотно прилегающей, но на самом деле по краям было много свободного места. Когда рука Цзян Тяня скользнула по складкам ткани, в его голове вдруг промелькнула внезапная мысль:

«А он и впрямь довольно худой».

Нащупав в парте три листа, он уже собирался их вытащить, как вдруг кто-то схватил его за запястье.

Лежащий на парте пошевелился и поднял голову, отрываясь от правого локтя. Волосы на его лбу слегка растрепались, а в полуприкрытых глазах мерцал тусклый свет.

— Ты чего делаешь? — спросил Шэн Ван. В его хриплом, сонном голосе слышалось раздражение человека, которого только что разбудили.

Пальцы Цзян Тяня дрогнули и слегка сжались.

Покосившись на стоящую за кафедрой Ян Цзин, он тихо произнес:

— Урок начался.

Сказав это, он вытащил руку, выпрямился и передал тесты Ян Цзин.

Шэн Ван полежал уткнувшись носом еще секунды три, затем резко сел. Прикрыв лицо рукой и откинувшись на стоящую сзади парту, он тихо пробормотал:

— Давно начался?

Из-за спины послышался голос Цзян Тяня. Хоть он и понизил тон, это не убавило холодка в его

звучании:

— Сорок минут назад.

Шэн Ван уставился на него с полным непониманием:

— ???

Пока Ян Цзин не встряхнула его тесты и не произнесла:

— Обычно староста допускает в подобных тренировочных тестах от четырех до пяти ошибок. Интересно, сможет ли Шэн Ван составить ему конкуренцию.

Ци Цзяхао покосился в их сторону.

Ян Цзин продолжила:

— Хорошо, давайте посмотрим на первый вопрос.

Шэн Ван переваривал эту информацию добрых полминуты, пока наконец не осознал, что урок только-только начался.

Посидев немного с каменным лицом, он достал из парты телефон, открыл чат с Цзян Тянем в WeChat и отправил ему 50 закатывающих глаза эмодзи.

В банке: [Напрашиваешься на избиение???)

<http://bllate.org/book/17874/1721532>